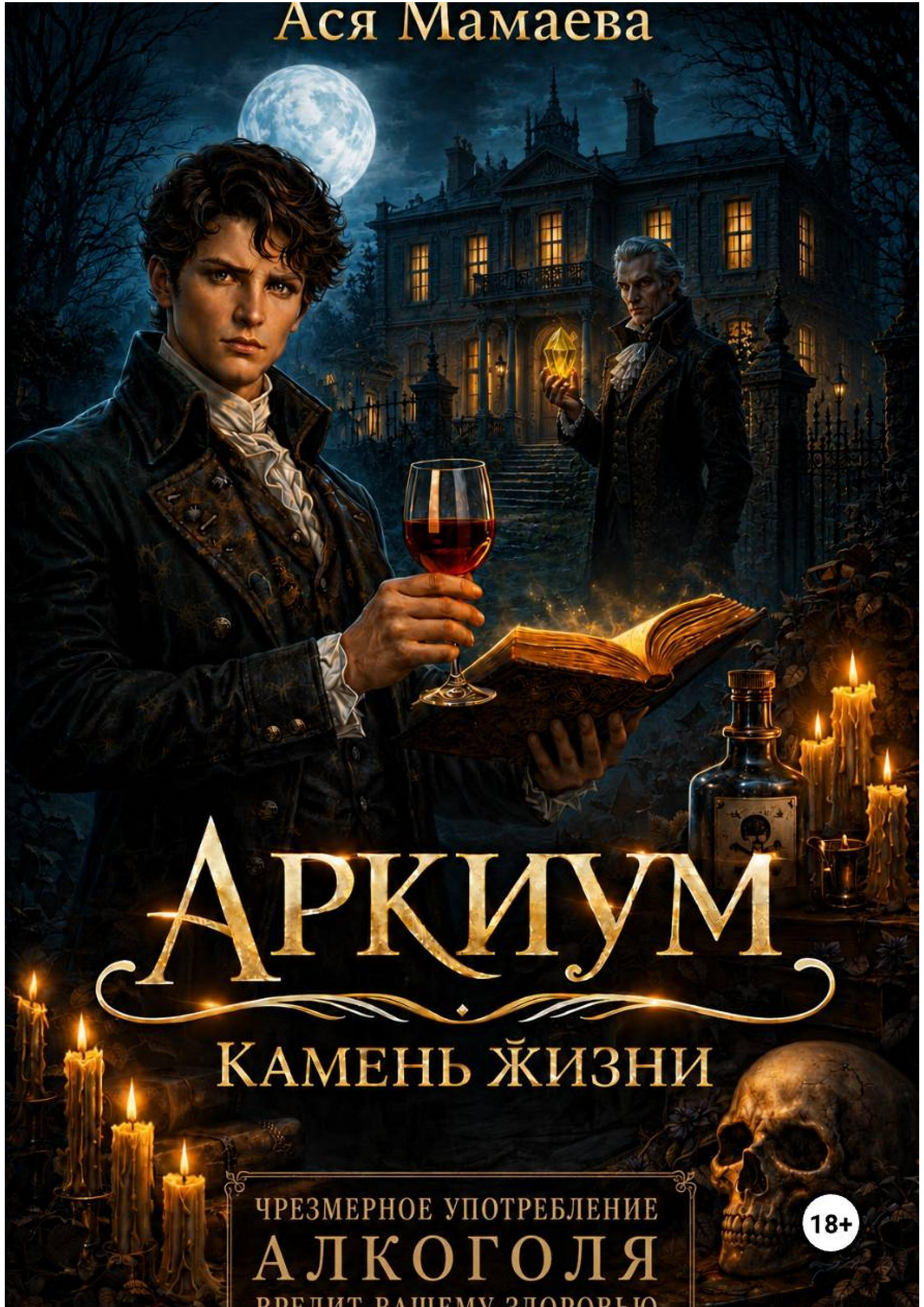

Ася Мамаева

АРКИУМ

КАМЕНЬ ЖИЗНИ

ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ
АЛКОГОЛЯ
ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ

18+

Аркиум. Камень жизни

Ася Мамаева

Аркиум. Камень жизни

«Автор»

2026

Мамаева А.

Аркиум. Камень жизни / А. Мамаева — «Автор»,
2026 — (Аркиум. Камень жизни)

ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ Аркиум. Камень жизни. После загадочного отравления граф Джордж Редсону оказывается на грани смерти — так же, как когда-то его отец, чью гибель сочли болезнью. Единственная зацепка — скрытая в родовом поместье книга «Аркиум», рассказывающая о Камне жизни, способном нейтрализовать любой яд. Вместе с кузеном Фредериком, леди Мирабель и бароном Эдмунтом Джордж отправляется в Ирландию, в дом-музей безумного учёного, где может находиться разгадка. Но они не единственные, кто ищет спасение. По их следу идёт маркиз Диас Клиффор — человек, давно обречённый медленной болезнью и готовый на всё ради шанса выжить. Пока прошлое раскрывает свои тайны, становится ясно: Камень жизни — не просто легенда, а сила, которую невозможно контролировать. И чем ближе они к разгадке, тем опаснее становится правда.

© Мамаева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Черные вести.	5
Глава 2. Похороны и родственники.	10
Глава 3. Много обязанностей.	18
Глава 4. Лучший друг отца.	24
Глава 5. Тайные намерения.	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ася Мамаева

Аркиум. Камень жизни

Глава 1. Черные вести.

Прошу немного тишины и внимания, дамы и господа. Это моя история, и рассказывать ее мне тяжело. Я постараюсь упорядочить свои мысли, чтобы не запутать вас, и надеюсь, что вы дослушаете до конца.

Зовут меня граф Джордж Редсноу. Да, моя фамилия звучит как «красный снег». Меня в детстве это забавляло, а теперь нет. Мне уже семнадцать с половиной лет, и я как раз в том возрасте, когда юноши с нетерпением ждут своего совершеннолетия. Для титулованных молодых людей в такое время открываются новые двери. Например, лично меня отец начнет посвящать в дела семейного бизнеса. А до того времени я учусь в лицее Дальвич для благородных мальчиков и юношей, что находится в Англии на юге Лондона.

Здесь я обучился таким дисциплинам как математика, астрономия, верховая езда и стрельба из лука – эти дисциплины были обязательны. По своему желанию я выбрал еще и архитектурное искусство, а вместе с ним мне пришлось изучать художественное искусство, потому что постоянно приходилось зарисовывать те или иные архитектурные достопримечательности Лондона, да и Англии в целом. И я грезил замками. В моих мечтах было спроектировать замок такой красоты и величественности, чтобы сам король Вильгельм IV заметил меня и мои достижения. А для этого нужно много учиться, рисовать, да и в целом быть во всем лучше других своих сверстников.

Учебный год в лицее Дальвич начался совсем недавно. На дворе стоял октябрь, листья еще не успели полностью пожелтеть. Небо с утра было затянуто серыми тучами, а на окнах появлялись редкие капли дождя. Моя комната, состоящая из кровати, прикроватной тумбы, платяного шкафа, кстати набитого одеждой, и рабочего стола со стулом, наполнялась сумерками. Жил я в своей комнате один и не делил её ни с кем, как некоторые другие ученики, которые могли жить и по двое, и по трое в своих комнатах. Всё-таки я граф, так же, например, как и граф МакКлаен, и граф Хендэл, они тоже жили в своих комнатах одни, и им ни с кем не приходилось делить свои владения. Свечи зажечь так и не успел, и вряд ли сегодня мне это удалось бы сделать, когда я услышал громкие шаги в коридоре. Я даже слегка опешил. Бежать по коридору? Где же воспитание этого... да куда дежурные смотрят? И удивился ещё больше, когда понял, что некто не просто пробежал мимо, а остановился как раз у моей двери. А затем дверь распахнулась, и я увидел на пороге своего младшего брата Джона. Чтоб Джон бегал? Не шёл, не шёл быстрым шагом, а бегал? Боже, он ещё и запыхался, где его графские манеры?

— Что с тобой? — начал было я, но увидел за спиной брата личного посыльного своего отца.

— Джордж, я увидел Рональда в холле, — мой братец оттягивал воротник своей рубашки вместе с сюртуком, видимо, ему стало жарко от своей беготни на третий этаж, — у него весточка из дома, и она лично для тебя. — тут Джони кинул обиженный взгляд на нашего посыльного.

Видимо, любопытный младший братец просил письмо, но Рональд знал свое дело хорошо: «лично в руки» — эта фраза не имела для него никаких других смыслов. Я мысленно хмыкнул, а Рональд, уже обогнув младшего графа, подошел ко мне и протянул плотный конверт из белой бумаги.

— Письмо от вашего отца, сэр, — голос у Рональда был сухим, хотя сам он был человеком еще довольно молодым и я бы ни за что не дал ему больше сорока лет. — Господину Редсноу стало хуже, — продолжал Рональд, — он просит, чтобы вы немедленно приехали в ваше родовое поместье.

Я пробежал глазами по письму, которое вынул из конверта. Да, отец слово в слово писал об этом, что ему хуже, и что я срочно должен приехать. Не понимаю, в чём же тогда был смысл письма, если Рональд мог передать всё на словах. Ну да ладно.

— Отцу снова стало плохо? — втиснулся между мной и посыльным Джон. — И ты едешь домой сегодня? А я с тобой? Ну пожалуйста!

Я пробежал глазами по строчкам снова и снова, но в письме ни слова не было сказано о Джоне. Отец лишь писал о том, чтобы приехал я, да ещё как приехал, как можно скорее.

— Мне нужно сообщить об отъезде декану. — сказал я, посмотрев на Рональда.

— Карета уже ожидает вас внизу. А это письмо, - посыльный высунул из-за пазухи второе письмо, точно такое же, в белом плотном конверте, но, видимо, адресованное уже управляющему факультета, — оно для вашего декана. Ваш отец пишет здесь о том, что он забирает вас из лица на неопределённый срок.

Джон, поняв правильно мое молчание, вспыхнул. Точнее вспыхнули его уши. Отец его не позвал. Снова! Удивительный малый мой младший брат, когда он злился у него горели уши. В темноте моей комнаты они словно светились слабым алым светом.

— Я передам отцу твои пожелания о скорейшем выздоровлении. — тихо сказал я и вышел в след за Рональдом, не забыв подхватить у двери на вешалке свой плащ.

Ближе к ночи дождь усилился и превратился в настоящий ливень. Дороги размыло и колеса кареты поминутно проваливались в неглубокие ямы с лужами. Меня трясло и подкидывало на синей бархатной обивке сидения, кажется я скоро заболею морской болезнью. Сквозь окна не было видно ни дороги ни деревьев, только сплошные потоки воды, стекающие по стеклу. Я тряся в карете полтора часа и уже мечтал о своей комнате и горячей ванне.

Поместье графов Редсноу стояло немного в отдалении от деревни Касл Комб, на небольшом холме и просматривалось со всех сторон. Оно было сконструировано еще моим дедом и этот дом был его гордостью. Наверное любовь к архитектуре и пришла мне от деда.

Мысли мои резко прервались, когда карета дернулась, а я чуть не прикусил язык, громко клацнув челюстями, и остановилась.

Был слышен ровный поток ливневой воды стучавшей по крыше экипажа, да всхрапывание лошадей. И больше никаких звуков. Что же это такое? Открывая дверцу кареты и впуская

внутри порывы ливня, я по пояс высунулся и глянул на козлы, хотел узнать у кучера, в чём дело. Но кучера на месте не оказалось. Он стоял чуть поодаль от кареты и смотрел на что-то в темноте. Тогда я вышел из кареты и пошёл к нему. Да уж, мои сапоги тут же испачкались в ливневой жиже.

Сперва я ничего не видел из-за потока воды, стекающего с моих волос мне на лицо, но, приглядевшись, я понял: кучер смотрит на поваленную сосну, лежащую поперёк дороги. Мои брови поползли вверх. Неужели непогода свалила дерево? Хотя сосна не такая уж старая, но других объяснений я не видел. Что бы дорога между Лондоном и самой главной его деревней была перекрыта сосной?

— Я разверну экипаж, и мы поедем в обход, милорд, — повернул голову возница.

Если я стоял в плаще и особо не страдал от непогоды, то мой кучер в своей ливрее промок насквозь. Я кивнул, соглашаясь. Ехать в обход означало сойти с главной дороги и двигаться через сосновый бор, это долго и сложно. Быстрее и проще ехать по вытоптанной годами дороге, но сейчас других идей у меня не было, и я просто согласился.

Мы зашагали обратно к карете и я всё время слышал недовольное испуганное всхрапывание лошадей. Нашей двойке вороных коней кажется что-то не нравилось этой ночью в этом темном лесу.

Кучер тоже заметил их волнение и подошел ближе. Он собирался погладить коня и, наверное, успокоить его, но тот, что был ближе к нему, громко заржал и встал на дыбы. Всё случилось в считанные секунды, наверное, бедолага возница и сам толком не понял, что произошло. Конь, взвился на дыбы и ударил кучера передним копытом. Слуга охнул и рухнул в грязь. Он не двигался, просто лежал.

Я подбежал, опустился рядом с кучером и повернул его к себе. Глаза парня смотрели в черное дождливое небо равнодушно. Белый парик при падении на землю слетел с его головы. Посмотрев ниже я увидел, что грудь его продавлена и одежда покрыта большим красным пятном. Тут же появился металлический запах крови, а к горлу подступила тошнота. Это с какой силой конь ударил человека копытом...

Знаете, в лицее Дальвич проводятся специальные уроки — как джентльмены должны вести себя в подобных случаях. Хотя, конечно, случаи со смертельным исходом от копыта коня там не рассматривались, но случаи, если леди или другому джентльмену станет плохо, мы изучали. И самый первый пункт — это сохранять спокойствие и холодную голову, паникой мы никому не поможем. Но сейчас, оставшись один в темном лесу, под ливнем, с мертвым кучером на коленях, мне хотелось не просто паниковать, а кричать. Ну или хотя бы просить о помощи. Но рядом, конечно же, никого не было. Ближайшая деревня — Касл Комб лишь в сорока минутах езды отсюда.

Меня охватила паника. А потом в голове словно прояснилось, туман рассеялся, тучи разошлись, и я понял, что должен сейчас делать. Обхватив парня подмышками я потащился к дверце кареты. Поднять его у меня не получилось, он отяжелел от дождя. А может, это я себя так просто утешал?

Кое-как мне удалось втащить тело слуги в салон экипажа, сам же я взобрался на козлы, взял поводья и глубоко вздохнул. Что за день сегодня такой? Рональд остался в Лондоне по поручению отца, а Джон так стремился поехать домой, но даже не представляет, что, оставшись в училище, стал счастливым. Ему всего одиннадцать, и видеть смерть ни к чему.

Обходная дорога заняла у меня больше часа. Когда в темноте показались огни деревни Касл Комб, я был готов расплакаться от счастья, но сдержался, я все-таки наследный граф и должен держать себя в руках. Хотя мне и было тяжело думать об этом, но я понимал: скоро фамильное поместье нашей семьи перейдет ко мне, отец в последнее время был совсем плох.

Вместе с домом я возьму на себя ответственность и младшего брата. И, скорее всего, меня будет ждать очень много неприятных, а может, и опасных дел, так что крепиться и держать себя в руках нужно было начинать прямо сейчас.

Но мысль, что я еду домой и везу с собой труп слуги, меня не отпускала. Я словно черный вестник для своего поместья — несу скорбную весть и это брэнное тело.

Я дернул поводья, останавливая ход лошадей и мне пришлось ухватиться за край сиденья, чтобы не удариться о стенку экипажа.

Некоторое время я просто сидел, тяжело дыша, вслушиваясь в шум дождя, который, казалось, не стихал ни на секунду за всю дорогу. Родовое поместье встретило меня тишиной. Такой тишиной, которая не бывает в живом доме. Воздух был тяжелым, холодным, пропитанным сыростью и чем-то ещё... чем-то глухим, вязким, словно сама земля под ногами знала о случившемся раньше меня.

Передо мной возвышался родовой дом Редсноу. Но сейчас он выглядел иначе — окна были темны. Ни одного огонька. Фасад, обычно строгий и величественный, теперь казался безжизненным, как каменное лицо без глаз. Даже ветер будто обходил его стороной.

И тогда я заметил их. У ворот стояли люди. Вся наша прислуга. Человек сорок выстроились молча, почти в ряд, словно ждали моего приезда. Чёрная одежда, опущенные головы, неподвижные фигуры — всё это выглядело так, будто я приехал не домой, а на похороны. Сердце неприятно сжалось.

— Что... — начал я, но голос мой словно осип и я прокашлялся.

Спрыгнул с козел и сделал шаг вперёд. Никто не двинулся. Только один человек вышел из ряда. Главный управляющий — высокий, сухой мужчина с седыми висками и неизменно строгим лицом. Этого человека я знал столько, сколько знаю себя. Бром. Вообще он был Бромом Вародом, но для меня он был Бромом, как и для отца. Он остановился перед мной и склонил голову.

— Милорд... — произнёс он тихо.

Пауза затянулась слишком долго. И в этот момент у меня внутри что-то противно заныло, как будто я уже всё понял. Но всё равно спросил:

— Где мой отец?

Управляющий поднял глаза.

— Старший граф Редсноу... скончался час назад. Мои соболезнования, господин граф Джордж Албан Редсноу. — Он назвал меня полностью и официально, ведь теперь хозяином стал я.

Слова прозвучали ровно, без дрожи. Но они ударили по мне сильнее любой пощечины. Я замер. Не сразу осознавая смысл услышанного. Словно разум отказался принимать это. Хотя какая часть меня как будто готовилась к этому. Двойное чувство. Час назад. Всего час. Я был так близко. Мог увидеть его. Мог поговорить. Мог... попрощаться. Но не успел. Что-то внутри меня оборвалось. Я повернул голову в сторону, провёл рукой по лицу, словно пытаюсь стереть происходящее, вернуть всё назад, в ту карету, на ту дорогу, где ещё была надежда. Но реальность не изменилась.

Позади тихо всхрапнули лошади. И тогда я вспомнил кучера.

— В карете... — голос мой стал глухим, чужим. — Там... возница. Заберите его.

Бром кинул удивленный взгляд на мой экипаж. Слуги переглянулись, но ни один не задал вопроса. Двое сразу направились к экипажу.

— Он мёртв, — добавил я, уже тише. — Похороните его... как полагается.

И зашагал по каменной дороге к парадному входу. Если я задержусь ещё хоть на мгновение, то могу и не пойти дальше. А мне нужно было зайти в дом.

Да, новости были не хорошие. Выходит не я один был сегодня черным вестником.

Глава 2. Похороны и родственники.

Фамильное поместье встретило меня холодом. Не тем обычным прохладным воздухом каменных стен, а настоящим, пронизывающим холодом пустоты. В коридорах горели редкие свечи, но их свет таял в общей темноте дома. Шаги звучали приглушенно из-за толстых ковров. И потому эхом отдавался лишь стук собственной крови, стучащий у меня в ушах. Каждый поворот казался чужим. Этот дом, в котором я вырос, вдруг стал незнакомым. И мёртвым.

Я думал, после смерти матери хуже уже не быть не может. Но теперь видел – может. Слуги, которых я встречал по пути, склоняли головы и молча отходили в сторону. Все — в чёрном. Даже те, кто обычно носил светлые рабочие одежды. Никто не говорил. Никто не смотрел мне в глаза. От этого становилось только хуже. В груди нарастало странное чувство. Не просто боль, не просто горе. А тревога - тихая, липкая, необъяснимая. Что-то здесь было не так. Словно дом скорбел вместе со мной. Там и тут слышались скрипы половиц, напоминающие жалобные стоны. А в щели оконных рам свистел ветер. Даже дом оплакивает моего отца.

Я ускорил шаг. Дверь в комнату отца была приоткрыта. Свет изнутри казался слишком ярким на фоне остального дома. Я остановился на пороге, набрал в грудь побольше воздуха. И только потом вошёл.

В комнате пахло лекарствами и травами. Горький, тяжелый запах, который невозможно спутать ни с чем другим. Я слегка сморщил нос, с детства терпеть не могу запах снадобий. У кровати стоял лекарь — пожилой мужчина с усталым лицом и покрасневшими глазами. Он обернулся, когда я вошёл, и слегка поклонился. Я почти не заметил его, смотрел только на кровать. На человека, лежащего на ней — мой отец покоился в своей постели неподвижно. Раньше глава семьи Редсноу казался мне человеком исполинских размеров: крепкий и высокий, с колючими зелеными глазами, волевым подбородком и железными нервами. В молодости он участвовал в войне с Францией, воевал на стороне Британии и мне всегда казалось, что человек переживший войну — переживет все на свете. Но сейчас он лежал маленькой хрупкой фигурой на белоснежных простынях. Лицо уже начало терять живые черты. Кожа приобрела тот самый бледноватый оттенок, который невозможно не узнать. Я сделал шаг ближе. Потом ещё один. Каждое движение давалось с трудом. Я не хотел видеть. Но и не мог отвернуться.

— Вы... — голос предательски сел, и мне пришлось прочистить горло. — Вы были с ним в последние минуты?

Лекарь кивнул. Я все так же не смотрел на него, продолжая разглядывать тело.

— Он звал меня?

Вопрос вырвался сам. И сразу же повис в воздухе, тяжёлый, как свинец.

— Нет, милорд, — ответил лекарь, после паузы. — В последние часы он был... не в сознании.

Я прикрыл глаза на мгновение. Конечно. Отец был не из тех людей, которые умирая собирали бы родственников вокруг своей постели. Я перевел глаза с белых простыней на отца

и заметил кое что. Красные пятна. Они проступали на лице, на шее, на руках. Брови сами сошлись на переносице. Отец болел, но не говорил чем именно, он вообще не любил когда кто-то волнуется и переживает за него, всегда держал все в себе.

— Что это? — спросил я тихо, не отрывая взгляда.

Лекарь подошёл ближе.

— Болезнь, мой милорд, — ответил он. — У вашего отца был тяжёлый менингит.

Я медленно повернул голову.— Менингит?— Да. Затяжной, с осложнениями. Болезнь заразна, поэтому он и не позволял вам с братом приезжать.

Слова звучали логично. Я снова посмотрел на тело. На пятна. На руки и вдруг заметил ещё кое-что. Пальцы. Они были напряжены, словно сведены судорогой. Я нахмурился и сильнее склонился над телом. Нет, мне не показалось. Его тело действительно не выглядело расслабленным. Наоборот в нем чувствовалась странная скованность.

— Он... — я сглотнул. — Он умер в судорогах?

Лекарь на мгновение замялся. Совсем чуть-чуть. Но я уже заметил это.

— Да, — ответил он. — Болезнь сопровождалась сильными приступами.

Я выпрямился и медленно выдохнул.

— Вы уверены?

Старик встретился со мной взглядом.

— Абсолютно, мой милорд.

Мне стало невыносимо жаль отца. В груди образовался болезненный ком. Граф Редснот всю жизнь посвятил своей семье, обеспечивая ее угольными и золотыми шахтами, участвовал в войне, потерял жену, а потом заболел, но не говорил об этом своим единственным сыновьям, чтобы те не беспокоились хотя бы какое-то время. А умирая он еще и мучался в судорогах? В носу у меня защипало, но я глубоко вздохнул, не подавая виду. Дрожащие руки я сунул в карманы брюк. Мне нужно держать лицо перед лекарем.

Я долго сидел за столом, не решаясь начать. Перо лежало передо мной, чернила уже были открыты, свеча почти догорела, оставляя на столе длинные потёки воска, но я всё никак не мог заставить себя написать первое слово.

Комната казалась чужой. Та самая, в которой я провёл не один год, но сейчас она словно отказывалась принимать меня обратно. Тени по углам стали гуще, темнее, и даже знакомые предметы выглядели иначе — как будто дом уже начал забывать прежнюю жизнь. Я провёл ладонью по лицу и устало выдохнул. Нужно было написать Джону. Он должен приехать на похороны. Он имеет право проститься.

Я взял перо. Оно чуть дрогнуло в пальцах, но я всё же окунул его в чернила и склонился над бумагой.

«Джон...»

Я остановился. Слишком просто. Слишком спокойно для того, что произошло. Стиснув зубы продолжил.

«Джон, я не знаю, как правильно начать это письмо. Отец... умер.»

Чернила легли неровно. Я поморщился и на мгновение закрыл глаза. Это слово всё ещё звучало странно. Умер. Как будто речь шла не о нём. Не о человеке, который ещё совсем недавно писал мне письма, давал указания, строил планы. Я снова посмотрел на бумагу.

«Это случилось сегодня ночью. Я не успел и приехал слишком поздно.»

Рука сжалась сильнее, чем нужно, и перо с хрустом разломилось, оставляя на бумаге резкую линию. Я раздраженно отстранился. Сделал глубокий вдох, взял второе перо из чернильницы продолжил.

«Похороны состоятся завтра. Я прошу тебя приехать утром. Это важно.»

Я на секунду задумался, стоит ли писать больше. О том, что я видел. Об этих пятнах и о том, что меня тревожит. Но нет. Не в письме, не сейчас.

«Будь осторожен в дороге. Я жду тебя утром.»

Я поставил подпись и вчитался в написанное. Мое имя выглядело непривычно. Словно теперь оно значило больше, чем раньше. Отложив перо, некоторое время просто смотрел на письмо, не двигаясь. Потом аккуратно сложил его, запечатал и положил на край стола. Бром распорядится, что бы письмо доставили в Дальвич самым быстрым экипажем.

Свеча догорала, и комната медленно погружалась в темноту. Я поднялся, но пошёл не к кровати, а к окну. Снаружи всё было так же — чёрное небо, редкие вспышки далёкой молнии, влажный воздух. Но теперь в этом было что-то окончательное. Как будто вместе с ночью закончилась прежняя жизнь.

Я не помнил, как лёг, не помнил, как закрыл глаза. Сон пришёл ко мне резко — тяжёлый и беспокойный.

Проснулся я от холода. Сначала даже не понял, где нахожусь. Потолок над головой был чужим — серым, пустым и только через несколько секунд я вспомнил. Дом. Отец. Похороны.

Воздух в комнате был прохладным. Слуги ещё не топили камины. Одеяло сползло с плеч, и по коже тут же пробежал холод. Я провёл рукой по лицу. Оно было сухим, словно за ночь из меня выжали всё тепло.

Посмотрев в сторону окна я увидел тяжёлые тучи, нависавшие низко, почти касающиеся крыши. Свет был тусклым, серым. Увы утро не принесло облегчения. Оно только подтвердило реальность.

Раздался тихий стук в дверь.

— Войдите, — сказал я.

Дверь открылась, и в комнату вошёл слуга. Я узнал его не сразу, как оказалось это был мой личный слуга с детства. Но все они сегодня выглядели одинаково — в тёмной одежде, с опущенными глазами, сдержанные, почти безликие.

— Горячая вода, милорд. — тихо сказал он.

За ним внесли вёдра. Пар поднимался вверх, заполняя комнату тёплым влажным воздухом. Это было странно — видеть тепло в этом доме. Мой помощник начал наполнять ванну. Вода лилась с глухим журчанием, и этот звук казался слишком громким в утренней тишине.

Я молча наблюдал, пока он закончит, поклонится и выйдет, закрыв за собой дверь. Оставшись один, подошёл к ванне и пар коснулся лица, тепло манило. Но внутри не было желания. Ни в чём. Я медленно снял ночную рубашку и опустил в воду. Тело отреагировало не сразу. Сначала было просто ощущение давления. А потом — тепло. Оно медленно разлилось по коже, по мышцам, по груди. Я закрыл глаза и на мгновение стало легче. Но ненадолго. Мысли вернулись слишком быстро. Комната отца. Пятна. Руки. И слова лекаря.

Я распахнул глаза, пытаюсь отогнать воспоминания. Вода уже не казалась такой тёплой. Проведя ладонью по лицу я почувствовал как рука слегка дрожит. Опять. Стиснув пальцы, сжал кулак. Все хватит.

С плеском поднялся из ванны, ведь это все равно не помогает отвлечься. Насухо обтершись полотенцем, одел рубашку, затем — чёрный костюм. Ткань была плотной и тяжёлой впрочем как и всё в этом доме. Когда последняя пуговица была застегнута то на мгновение я остановился перед зеркалом и поднял на себя глаза. И не сразу узнал парня в отражении – лицо его было бледным, зеленые глаза стали болотными, как будто за одну ночь я стал старше.

Вспомнилось как Броумор вчера доложил, что разослал письма о смерти отца родственникам и в подтверждение своих мыслей услышал шум подъезжающих экипажей.

— Это еще не конец. – тихо сказал я своему отражению и зашагал к двери.

Свет из высоких окон ложился на стол серыми полосами. Всё было расставлено идеально — приборы, тарелки, бокалы. Как всегда. Только за этим столом никто не сидел.

Чужой во всем этом великолепии, я стоял, опираясь на спинку кресла, и смотрел в пустоту. Дверь скрипнула и медленно открылась. В проёме стоял Фредерик Редсноу. Мой кузен, сын младшего брата моего отца. Он выглядел уставшим — тёмные круги под глазами, влажные волосы, будто он спешил и не обращал внимания ни на что. Увидев меня, он на секунду замер.

— Джордж... — голос у него был тихий, неуверенный. Рыжий братец сделал шаг вперёд, потом ещё один, словно боялся подойти слишком близко. Кузен Фреди всегда был человеком веселым, уныние не про него. Порой он бывал наглым, чем не раз получал по лицу женской перчаткой. Видеть его таким нерешительным было для меня в новинку.

— Я... — он провёл рукой по затылку и выдохнул. — Чёрт, я даже не знаю, что сказать.

Я молчал и просто смотрел в одну точку на ковре, а он подошёл почти вплотную и вдруг крепко сжал моё плечо.

— Мне жаль, правда жаль. Он был... — Фредерик запнулся, сжал челюсть. — Он был единственным человеком, которого я боялся и уважал одновременно. — На секунду в его голосе прозвучала живая эмоция. — И, наверное, единственным, кто мог поставить меня на место. — Он попытался усмехнуться, но не вышло. — Прости... глупо сейчас об этом.

Я покачал головой.

— Нет. – Голос у меня был глухим. — Это... нормально – умирать.

Фредерик посмотрел мне в глаза. Дольше, чем обычно.

— Ты как?

Простой вопрос, но ответить на него было нечего.

— Не знаю, — честно сказал я.

Он кивнул. В этот момент в комнату вошёл Джон и Фредерик обернулся первым.

— Эй... — мягко сказал он.

Джон остановился у двери. Глаза красные, лицо бледное, губы дрожат. Он посмотрел сначала на меня, потом на Фредерика. И вдруг резко опустил взгляд.

— Я... я не успел... — пробормотал он.

Фредерик сразу подошёл к нему. Не резко. Осторожно.

— Слышишь, — тихо сказал он, положив руку ему на плечо. — Мы все не успели.

Джон мотнул головой.

— Нет... я должен был приехать раньше...

— Никто ничего не должен был, — перебил его Фредерик чуть твёрже. — Понял?

Джон всхлипнул, плечи его затряслись. Фредерик вздохнул и чуть притянул его к себе.

— Эй... спокойно. Спокойно. — Он говорил тихо, почти шёпотом. — Ты здесь. Это главное.

Джон кивнул, но не поднял головы.

«Соберись, Джон, ты мужчина и джентльмен. Отец не одобрил бы такого поведения.» — хотелось сказать мне в слух, но я промолчал.

Фредерик посмотрел на меня.

— Нам нужно ехать.

Октябрьский холод ударил по нам сразу же, как только мы вышли во двор. Экипажи уже ждали, а лошади нетерпеливо переступали с ноги на ногу. Всё было готово и я сел в карету первым, Джон рядом, а Фредерик — напротив. Лакей захлопнул дверцу и карета тронулась в путь. Некоторое время никто не говорил. Колёса скрипели по сырой дороге. Дождь закончился еще ночью, но небо оставалось тяжёлым.

— Джордж, — снова начал Фредерик.

Я перевёл на него взгляд. Он сидел, наклонившись вперёд, упершись локтями в колени.

— Я понимаю, что сейчас не время... — он замялся. — Хотя, наверное, как раз время.

Он посмотрел на Джона, потом снова на меня.

— Ты теперь глава семьи... — слова прозвучали прямо. — Это... — он коротко усмехнулся. — Звучит громче, чем есть на самом деле. Ну ты понимаешь, о чём я.

Я смотрел на него, не отвечая.

— Если тебе понадобится помощь — скажи, — добавил он уже тише. — Я серьёзно. Я могу казаться идиотом, но в таких вещах не шучу.

— Я запомню. — кивнул я.

Джон тихо шмыгнул носом.

— Я не хочу ехать туда... — прошептал он.

Фредерик сразу повернулся к нему.

— Я знаю.

— Я не хочу видеть...

Он не договорил и Фредерик чуть наклонился к нему.

— Тогда не смотри.

Джон поднял глаза.

— Что?

— Не смотри, — повторил он спокойно. — Стой рядом. Держись за нас. Но не смотри, если не можешь.

Джон надолго замолчал.

Карета остановилась на небольшом открытом пространстве. Кладбище встретило нас холодом и тишиной. Люди уже стояли вокруг — чёрные фигуры, человек двадцать, самые близкие. Гроб из красного дерева стоял у края ямы. На фоне людей, одетых в черные костюмы и платья, на фоне серого неба, красный гроб выглядел ярким и броским в глаза.

Фредерик тихо выдохнул рядом.

— Ненавижу это место.

Я согласно молчал, потому что тоже ненавидел это место. Здесь лежали мои дед с бабушкой, мама, а теперь и мой отец всегда будет здесь.

Бром начал говорить, его голос звучал ровно и четко. Джон вдруг сжал мою руку. Я сразу это понял, но не отёрнул.

— Уважаемые дамы и господа, сегодня мы передаем земле тело старшего сына графа Дерекка Редсноу, графа Албана Редсноу, — мне казалось, что слова управляющего я слышу сквозь сон или толщу воды, — человека крепкого духом и телом, того, кто стоял на защите нашей страны во время войны, человека строгого, но справедливого...

Бром говорил долго о всех заслугах отца – о его твёрдом характере и мягком сердце, о гениальном уме и прекрасном хозяине, а дальше я уже и не слушал.

Гроб начали опускать медленно, даже верёвки закрипели. Фредерик тихо сказал, кажется для Джона:

— Всё... всё уже...

Земля ударила по крышке. Глухо. Ещё и ещё. Кто-то плакал. Кто-то шептал слова утешения. Фредерик отпустил плечо Джона.

— Всё, — тихо сказал он. — Всё закончилось.

Когда я очнулся, вокруг почти никого не было. Только Джон. Брат стоял рядом с пустыми зелеными глазами.

— Они уехали, — сказал он.

Я огляделся. Действительно вокруг было пусто. Только свежая земля. И тишина.

— Джордж... — он посмотрел на меня. — Что теперь?

Я задержал взгляд на могиле. Потом ответил:

— Едем домой.

Когда мы вернулись, дом уже ожил. Свет в окнах, голоса, движение. В главной столовой накрыли столы. Люди сидели, говорили, ели. Как будто всё нормально.

Я остановился в дверях. Фредерик тихо бурчал за моей спиной:

— Вот это я ненавижу еще больше чем похороны.

Я чуть повернул голову.

— Что?

Он усмехнулся без радости.

— Когда смерть ещё не остыла, а люди уже едят.

Я ничего не ответил, потому что он был прав. И от этого становилось только хуже.

Глава 3. Много обязанностей.

Прошло несколько дней после похорон, хотя точное их количество я перестал отслеживать почти сразу, словно время в поместье утратило свою привычную структуру и превратилось во что-то тягучее, вязкое, не поддающееся счёту.

Смерть отца не просто оставила после себя пустоту — она изменила сам дом, и теперь это ощущалось в каждой комнате, в каждом коридоре, в каждом звуке, который раньше казался естественным, а теперь резал слух своей чуждостью. Поместье Редсноу всегда было строгим, но при этом живым, наполненным движением и ритмом, к которому я привык с детства: по утрам здесь раздавались шаги, слышались голоса слуг, звон посуды, а в коридорах витал запах свежего хлеба и угля из каминов. Теперь же всё это исчезло, уступив место тишине, которая не успокаивала, а давила, словно сам дом прислушивался к произошедшему и не мог его принять.

Главный зал встречал меня холодом и полумраком: высокие потолки терялись в тени, потемневшая лепнина казалась тяжелее, чем прежде, а огромная люстра висела неподвижно, лишённая света, потому что свечи зажигали всё реже.

Стены были увешаны портретами предков, и их взгляды, прежде казавшиеся просто строгими, теперь словно следили за каждым моим шагом с почти осязаемой настойчивостью. Особенно выделялся портрет отца, висевший в центре зала. Он был изображён в полный рост, в военной форме, с тем самым холодным и уверенным взглядом, который заставлял людей говорить осторожнее, даже если они считали себя равными ему.

Я ловил себя на том, что каждый раз, проходя мимо, невольно замедляю шаг, словно ожидая, что он заговорит или хотя бы осудит меня за нерешительность.

— Вы всё ещё ищете в нём ответа, милорд? — тихо прозвучал голос за спиной.

Бром стоял у входа в зал, как всегда собранный и неподвижный.

— Скорее... пытаюсь понять, что он от меня ожидал, — ответил я после паузы. — Он ожидал, что вы справитесь, — спокойно произнёс он. — Иначе не оставил бы всё вам.

Коридоры тянулись длинными тёмными линиями, ковры приглушали шаги, но иногда всё равно раздавался скрип половиц, который теперь звучал особенно отчётливо, будто дом не привык к тишине и пытался заполнить её собственными голосами.

Комнаты стояли пустыми: гостевые покои, ещё недавно занятые родственниками, теперь снова закрылись, постели были аккуратно застелены, шторы опущены, и всё выглядело так, словно люди просто вышли ненадолго, хотя я прекрасно понимал — никто не вернётся.

На следующий день после похорон поместье опустело почти полностью, и это произошло так быстро, что я едва успел осознать момент, когда дом снова стал принадлежать только мне. Кареты одна за другой покидали двор, увозя родственников, знакомых и тех, кто приехал лишь из чувства долга.

— Передаем милорду наши соболезнования, — сказал один из дальних родственников, не глядя мне в глаза, прежде чем сесть в экипаж.

— Мы напишем, — добавила дама в чёрном, сжимая платок в пухлых руках.

Я лишь кивнул, понимая, что ни письма, ни слова не изменят того, что уже произошло. Стоял у окна и наблюдал, как последняя карета скрывается за воротами, и именно в этот момент впервые по-настоящему почувствовал одиночество — не физическое, а то глубокое, внутреннее ощущение, когда понимаешь, что теперь ответственность лежит только на тебе.

Именно тогда я принял решение, которое далось мне нелегко: на следующий же день я отправил Джона обратно в лицей.

— Я не хочу уезжать, — тихо сказал он, стоя у лестницы и сжимая в руках перчатки.

— Я должен быть здесь.

— Ты должен жить дальше, а не чахнуть здесь в четырех стенах. — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Здесь тебе сейчас будет только хуже.

Он посмотрел на меня так, словно хотел возразить, но в итоге лишь опустил взгляд.

— А ты?

Я замялся, но потом наконец ответил.

— А я... останусь. — Мне кажется, что среди сверстников, вдали от этих стен, ты сможешь отвлечься от случившегося и быстрее прийти в себя, вернуть себе хоть часть той прежней лёгкости, которая сейчас казалась недостижимой.

Он не хотел уезжать, это было видно, но оставаться здесь для него было куда тяжелее, и потому я настоял, взяв на себя решение, которое, возможно, он ещё долго будет мне помнить.

И с этого момента всё изменилось окончательно. Бром не позволил мне долго оставаться в этом состоянии, начав приходить ко мне каждое утро с точностью, которая казалась почти механической.

— Милорд, нам необходимо обсудить торговые дела.

— Уже? — спросил я, глядя на него поверх завтрака.

— Времени меньше, чем кажется, — ответил он.

И мы обсуждали их часами. Сначала я почти не понимал сути происходящего: документы лежали передо мной стопками: письма, отчёты, счета и договоры смешивались в единый поток информации.

— Это отчёт по северным золотым шахтам, — пояснял Бром, указывая на строки. — Ваш отец проверял их лично.

— А это?

— Уголь. Менее прибыльно, но необходимо.

— Он всё это держал в голове?

— Он держал это под контролем, милорд, — спокойно поправил Бром.

Постепенно разговоры выходили за пределы сухих цифр.

— Вам придётся появляться в обществе, — сказал как то управляющий.

— Сейчас? — я поднял на него взгляд. — После всего этого?

— Именно сейчас, — ответил он без колебаний. — Люди наблюдают.

Когда я сказал, что не нуждаюсь в этом, он посмотрел на меня долго и спокойно.

— Возможно, вам это и не нужно, — произнёс он. — Но имени Редноу — необходимо.

После этих разговоров я всё чаще засиживался в кабинет отца — теперь уже моем кабинете, хотя это осознание давалось мне с трудом.

Здесь всё оставалось почти таким, каким он оставил: массивный письменный стол, слегка потертый местами, кресло с высокой спинкой, в котором он проводил долгие часы, запах табака и чернил, вьёвшийся в дерево и ткань.

Я долго не решался сесть за этот стол, обходя его, словно он всё ещё принадлежал не мне, а ему. Порой мне казалось, что стоит лишь обернуться — и я увижу его, сидящего здесь, с пером в руке, с тем сосредоточенным выражением лица, которое я помнил с детства.

Но все же отодвинул кресло и сел. Дерево под пальцами было холодным. Воспоминания накрыли неожиданно резко: как он объяснял мне простые вещи, терпеливо, но строго; как однажды позволил мне остаться здесь допоздна и смотреть, как он работает; как редко он хвалил, но как много для меня значило каждое его одобрение. Я открыл ящики стола почти машинально, не до конца понимая, что именно ищу. В одном из них, среди аккуратно сложенных бумаг, лежал дневник — простой, в тёмном переплёте, без каких-либо обозначений. Он не был заперт, и это показалось мне странным.

Первые страницы были заполнены привычным почерком отца — чётким, уверенным, без лишних эмоций. Однако содержание быстро заставило меня напрячься. Он писал о болезни.

Слово «менингит» повторялось несколько раз, но не так, как его произносил лекарь — не как окончательный диагноз, а скорее как предположение, в котором он сам сомневался.

«Жар не спадает. Лекари говорят разное. Ни один не даёт уверенности».

Я перевернул страницу.

«Судороги усиливаются. Сегодня длились дольше обычного. Руки не подчинялись».

Пальцы у меня нервно сжались, но я продолжил читать. Отец писал о том, что вызывал всё новых врачей, не считаясь с расходами, что платил им щедро, лишь бы получить ответ, но каждый из них либо повторял слова предыдущего, либо уходил от прямых выводов.

«Они не понимают. Или не хотят говорить».

Строки становились всё менее ровными.

«Медицина увлекает меня как никогда раньше, но она не дает понять мой недуг в совершенстве. Если это не менингит — тогда что?»

В комнате было тихо, лишь слышался мерный стук маятника у стены. Я закрыл дневник не сразу, продолжая смотреть на страницы, словно надеясь, что текст изменится сам собой. После этого я ещё долго сидел за столом, не двигаясь, прислушиваясь к собственным мыслям, которые становились всё тяжелее. Эти размышления стали чаще уводить меня в библиотеку отца. Иногда я находил его пометки на полях — короткие, чёткие.

«Не доверять без проверки»

«Цифры лгут, если их читают невнимательно»

Я ловил себя на том, что отвечаю ему вслух:

— Пытаюсь, отец... правда пытаюсь.

Мой собственный кабинет стал местом, которое я почти не покидал.

— Вам следует отдохнуть, — заметил однажды Бром, когда я в третий раз перечитывал один и тот же документ.

— Позже.

— Вы говорили это вчера.

— Значит, я был последователен.

На третий день на мой почтовый адрес пришло письмо.

— От имени Клиффора, милорд, — сказал Бром, передавая его.

— Он не приехал, — заметил я, разглядывая печать.

— Он объясняет это в письме.

Я развернул его и стал медленно читать. Маркиз Диас Клиффорский писал о том, что получил известие о смерти и с глубоким сожалением объяснял своё отсутствие тем, что находился в Шотландии, и не смог вернуться вовремя.

— Слишком много извинений, — пробормотал я.

— Возможно, он действительно сожалеет, — ответил Бром.

Далее следовало пригласительное письмо.

— Он устраивает приём, — сказал я, дочитав до конца.

Мой помощник на это лишь кивнул.

— И вы хотите, чтобы я поехал?

— Считаю, что вы должны.

Опустив письмо посмотрел на него.

— Я только что похоронил отца.

— Именно поэтому, — ответил он. — Ваше отсутствие будет замечено.

— А если я не поеду?

— Это сочтут слабостью.

— А если поеду?

— Это сочтут силой.

Я усмехнулся без радости.

— Всё так просто?

— В обществе — да.

Эти слова заставили меня задуматься. Я посмотрел на письмо снова.

— Вы уже приняли решение, милорд? — спросил Бром.

— Да... я поеду.

Он склонил голову.

— Очень мудрое решение, милорд. Распоряжусь о подготовке, для вас сошьют новый парадный костюм...

— Бром.

— Да, милорд?

Я на мгновение задумался, вспоминая строки из дневника отца, но затем всё же произнёс:

— Как думаете... он бы поехал?

Бром задержался на мгновение в дверях.

— Ваш отец не позволял себе выбора в подобных вопросах.

Мой управляющий вышел, оставив меня одного. Я перечитал письмо ещё раз.

И в этот момент понял, что впереди меня ждёт не просто поездка в Лондон. Что-то началось. И я не был уверен, что готов к этому.

Глава 4. Лучший друг отца.

Дорога в карете тянулась бесконечно, хотя на деле заняла не так уж и много времени. Но так бывает с теми, кто очень чего-то не хочет – миг превращается в часы.

Конечно же я не хотел ехать. Уж точно не на этот чёртов званый вечер, который устраивал маркиз Клиффор — лучший друг отца, человек, о котором я слышал с детства, но которого видел слишком редко, чтобы чувствовать к нему что-то большее, чем сдержанное уважение. Он приехал из Шотландии слишком поздно. Как и многие.

Я машинально провёл пальцами по рукаву своего камзола — тёмно-синего, с тонкими золотыми тиснениями, аккуратно вытянутыми вдоль манжет, слишком нарядного для моего настроения. Ткань была дорогой, безупречно сидела по фигуре, а классические брюки довершали образ, который должен был говорить о достоинстве и статусе. Но не о трауре.

Но Бром настоял.

— В чёрном вы будете выглядеть сломленным, милорд, — сказал он утром, когда я без колебаний выбрал более простую и мрачную одежду.

— Я и есть сломлен, — ответил я тогда.

— Возможно, — спокойно произнёс он. — Но никто не должен этого видеть.

И я уступил.

Напротив меня, в полумраке кареты, сидел Фредерик. Он был единственным, кто остался после похорон, единственным, кто не поспешил покинуть поместье, прикрывшись делами, расстоянием или приличием. Он почти ничего не говорил в первые дни, и, пожалуй, именно это я ценил больше всего — его молчание не давило, не требовало ответа, он просто был рядом.

— Тебе идёт, — вдруг сказал он, кивнув на мой камзол.

Я усмехнулся.

— Не уверен, что это комплимент.

— Это констатация, — ответил он. — Ты выглядишь так, как должен выглядеть граф.

— А чувствую себя совсем не так, как должен.

Фредерик слегка наклонил голову.

— Ты всё ещё можешь отказаться, развернуть экипаж и уехать домой.

Я усмехнулся, не поднимая взгляда.

— И дать им всем повод говорить?

— Они и так будут говорить, — спокойно заметил он. — Людям же нужно о чем то сплетничать.

— Тогда пусть хотя бы не о том, что я испугался.

Фред улыбнулся уголками губ и встряхнул рыжими кудрями.

— Ты не выглядишь человеком, который боится.

— Это потому, что я давно научился делать нужный вид.

Он ничего не ответил, и мы снова погрузились в тишину. Когда карета замедлилась, я понял, что мы прибыли.

Особняк маркиза возвышался впереди, освещённый десятками огней, и это зрелище казалось почти нереальным после мрачной тишины Редсноу. У главных ворот уже стояли кареты — одна за другой они подъезжали, останавливались, выпускали своих пассажиров и тут же уступали место следующим. Слуги сновали туда-сюда, открывая двери, помогая дамам выйти, принимая накидки и передавая их дальше.

Слышался смех — лёгкий и звонкий. Дамы, с самым важным видом, проходили мимо, обмахиваясь веерами, их платья тихо шуршали, а кавалеры склонялись к ним, что-то шепча с полуулыбками, в которых было слишком много уверенности и лоска.

Жизнь. Та самая, которая, казалось, остановилась для меня.

— Готов блистать? — тихо спросил Фредерик и открыл дверь.

Холодный воздух ударил в лицо, помогая на мгновение собраться, и, сжав всю свою волю в кулак, я вышел из кареты.

Когда-то я бы был рад оказаться здесь. Эти вечера, балы, разговоры, музыка, танцы, смех — всё это было частью жизни, к которой меня готовили с детства, частью мира, в котором я должен был существовать свободно и уверенно. Но сейчас... Сейчас мне казалось, что это происходит слишком быстро. Словно меня вырвали из одного состояния и без предупреждения бросили в другое, не дав времени ни понять, ни принять произошедшее. Я поднялся по мраморной лестнице вместе с остальными гостями, чувствуя, как каждый шаг отзывается внутри странной тяжестью. Двери особняка были распахнуты, и свет изнутри буквально выливался наружу, ослепляя после сумерек.

Внутри всё было иначе, тепло, светло и слишком живо. Голоса сливались в единый шум, музыка уже звучала где-то в глубине зала, а слуги с подносами ловко лавировали между гостями. Фреди тут же куда-то исчез, думаю он пошел искать шампанское. Я едва успел сделать несколько шагов, как передо мной появился он — Маркиз Диас Клиффор. Он был выше, чем я ожидал, широкоплечий, с тяжёлым взглядом карих глаз и тем выражением лица, которое нечасто встречается у людей, привыкших улыбаться без причины. Его седина не делала его слабее — наоборот, придавала ему ту самую суровую уверенность, которую я видел когда-то у отца.

— Джордж, — произнёс он, и в его голосе не было ни фальши, ни показной мягкости. — Рад, что ты приехал.

Обратился он ко мне не по титулу или фамилии, а по имени, как будто общался с сыном или старым другом.

— Милорд. — Я склонил голову.

Он сделал шаг ближе и, к моему удивлению, положил руку мне на плечо.

— Твой отец был бы доволен тобой, парень.

Эти слова прозвучали так просто, что я на миг чуть не потерял свое непроницаемое выражение лица.

— Вы были с ним близки, — сказал я, тут же собрав себя.

Маркиз усмехнулся — коротко, почти безрадостно.

— Ближе, чем хотелось бы в те годы, — ответил он. — Мы воевали вместе, против французов. Тогда у нас не было времени на размышления — только на действия.

Он на мгновение замолчал, словно возвращаясь туда, куда я не мог последовать за ним.

— Он спас мне жизнь, — добавил он тише. — И не один раз.

Я не знал, что ответить. Так и стоял.

— Он редко говорил об этом, — произнёс я наконец.

— Потому что считал это долгом, — ответил маркиз. — В этом он был упрям.

Я невольно усмехнулся.

— Это мне знакомо.

Маркиз посмотрел на меня внимательнее.

— Джордж, мне действительно жаль, я не смог увидеть своего старого друга перед его смертью. Я многим ему был обязан. В моем доме всегда рады тебе и младшему, Джону, и мои двери всегда открыты для вас.

— Милорд Клиффор, это не обязательно... — я был тронут такими словами.

И даже не представлял, что отец так крепко дружил с маркизом.

Этот крепкий мужчина поднял ладонь в верх, останавливая меня, говоря этим, что он сказал все и добавлять ничего не нужно.

— Думаю с тобой – с новым графом Редсноу хотят познакомиться светские семьи. — После небольшой паузы добавил маркиз.

И, словно подтверждая его слова, ко мне уже направлялись первые гости. Знакомства начались почти сразу. Графы, бароны, лорды и маркизы — имена, титулы, лица, которые я должен был запоминать и узнавать, но которые сейчас сливались в одно.

— Примите мои соболезнования...

— Ваш отец был выдающимся человеком...

— Теперь вся ответственность на вас...

Я кивал. Улыбался. Отвечал. Улыбались у меня только губы, но не глаза. И с каждым новым словом чувствовал, как эта улыбка становится всё более натянутой и вскоре мышцы лица устали держать эту форму.

Тут рядом снова появился Фредерик и дальше держался рядом, иногда вмешиваясь в разговор, иногда просто оставаясь чуть в стороне, но достаточно близко, чтобы я знал – я не один.

Музыка усилилась. В центре зала кружились пары – вальс сменялся кадрилию, платья развевались, смех становился громче, движения – свободнее.

Среди гостей было много моих сверстников. Они легко знакомились с дамами, склонялись к ним, ловили их взгляды, шутили, смеялись, приглашали на танцы — и те отвечали им с той самой игривой благосклонностью, которую я когда-то считал естественной частью этих вечеров. Я взял бокал шампанского из рук кузена, сделал глоток и остался стоять на месте. Музыка звучала где-то рядом, но не касалась меня. Голоса доносились обрывками. Смех — чужой, далёкий.

— Ты даже не пытаешься, — тихо сказал Фредерик, снова появившись рядом.

— Пытаюсь, — ответил я. — Просто это выглядит иначе.

Он проследил за моим взглядом и заметил мой взгляд на сверстниках.

— Ты всегда был лучше их, — заявил он.

— Сейчас это не ощущается. — Я сделал ещё один глоток. — Всё это... — слегка повёл рукой в сторону зала. — Слишком быстро для меня.

Фредерик кивнул.

— Потому что ты ещё там, — сказал он. — В том дне.

Я не ответил, потому что он был прав. Так и стоял среди света, музыки и смеха, среди людей, которые уже жили дальше... А сам всё ещё находился дома — в холодном зале, под тяжёлыми взглядами портретов, в том месте, где время остановилось.

Я отчаянно помотал головой, изгоняя свои мысли. Интересно, если продолжить в таком темпе, уйду ли я в депрессию? Бром не уставал повторять что жизнь продолжается, хотим мы того или нет. Нам остается смириться или подстроиться. Я сделал глубокий вдох и понял одну вещь — мне не хочется уходить в депрессию.

Кузен заметил, что ко мне направляется группа моих сверстников и толкнул меня под ребра. Я поморщился и тоже заметил как титулованные юноши и очаровательные дамы представились и с лёгкими улыбками пригласили меня в библиотеку маркиза Клиффора поговорить о лицах и жизни в Лондоне. Фредерик одобрительно улыбнулся и, наклонившись, шепнул, что они подмазываются: они лишь наследники, а я уже держу титул и дом Редноу. Мне оставалось лишь кивнуть и присоединиться, что я и сделал.

В библиотеке все негромко переговаривались; слуги принесли закуски, напитки — крепкие и не очень. Мы расселись на мягких диванах, будто в ожидании, и я вопросительно посмотрел на старшего — графа Грея, светловолосого юношу чуть выше меня.

— Ждём виконта и виконтессу Эмбридж, — сказал он.

В подтверждение его слов дверь мягко открылась и вошёл он — Рафаэль Эмбридж. Высокий, с той редкой, пугающей правильностью черт, которая заставляет людей невольно уступать дорогу. Его кожа была безупречно светлой, словно выточенной из мрамора, а золотистые кудри, мягкими волнами спускавшиеся к плечам, ловили свет так, будто он действительно излучал его сам. Голубые глаза — холодные, ясные, почти прозрачные — скользнули по комнате, задерживаясь на каждом лице. Ровный благородный нос и волевой подбородок. Он был красив, но в этой красоте не было тепла. Он прошёл внутрь медленно, уверенно, словно уже владел этим пространством, и, заняв кресло, откинулся на спинку, закинув ногу на ногу, будто не гость, а хозяин. Его улыбка была короткой, дерзкой, глаза при этом не улыбались вовсе — они изучали, взвешивали, оценивали, словно перед ним были не люди, а фигуры на доске. Словно каждый здесь мог стать его противником. Я почувствовал ясно и отчетливо, всем телом — он мне не нравится.

А затем вошла она — Мирабель Эмбридж. Если брат напоминал статую, то она — живой свет. Та же золотистая кудрявая волна волос, те же голубые глаза, та же безупречная кожа — но всё в ней было мягче, теплее, живее. Её волосы спадали ниже талии, обрамляя лицо, в котором не было ни тени холодной отстранённости брата. Бирюзовое платье подчёркивало фигуру и мягко открывало плечи, а лёгкое движение ткани при каждом шаге делало её почти нереальной, словно она не шла, а скользила по полу. Блондинка обворожительно улыбнулась всем присутствующим и эта улыбка была настоящей. Виконтесса сразу нашла общий язык с дамами, легко, искренне, словно действительно хотела познакомиться, услышать каждого и узнать. В ней не было ни высокомерия, ни игры — только желание быть принятой. И именно это делало её ещё более поразительной. Близнецы были одинаковыми и совершенно разными.

Я поймал себя на том, что не дышу, и только спустя мгновение осознав это, резко вдохнул, словно вынырнув из воды. Казалось, я не встречал раньше девушки красивее. Возможно я подошёл бы к ней, заговорил бы, поддержал бы светскую беседу — когда-то это не составило

бы для меня труда, но не успел. Меня почти сразу окружили сыновья и дочери всех тех господ, что я видел в главном зале, их голоса слились в мягкий, настойчивый поток, вопросы следовали один за другим, я лишь коротко отвечал, и выбраться из этого круга оказалось куда сложнее, чем я ожидал. Лишь мельком глянул в сторону виконтессы, затем отвёл взгляд. Посмотрел на Фредерика и увидел, что тот беседует сразу со всеми — с юношами, подмечая их удачные стрижки, и дамами, отпуская им комплименты, так легко, непринуждённо, словно для него всё происходящее было естественным и привычным. Он отпуская шутки, смеялся громче остальных, и вокруг него сразу образовывался живой, тёплый круг. Я завистливо вздохнул. Мне бы так сейчас.

Разговоры шли самые разные: юноши хвастались стрельбой с завязанными глазами, дамы обсуждали вышивки, театры и убранство хозяйского дома. Лишь один парень стоял в стороне — в круглых очках, черные вихрастые волосы торчат в разные стороны, костюм серого цвета словно металл, подчеркивал его худощавую фигуру. Парень стоял оперевшись спиной к стеллажу и читал тонкую книжку.

— Граф Джордж Редсноу. — Я протянул парню руку.

— Барон Эдмунт Валькёр, — ответил он на мое рукопожатие.

Ладонь у парня оказалась довольно крепкой.

— Почему вы один? — Я мельком глянул на молодняк светского общества Лондона.

— Предпочитаю книги светским беседам, милорд.

— А что читаете?

— Книга о ядах и противоядиях. Выдающиеся лекари Британии девятнадцатого века.

Парень был не многословным и я не стал больше ничего спрашивать. Но книга действительно меня заинтересовала. Такой я не видел в библиотеке нашего особняка, хотя библиотека у нас обширная. Зачем-то попросил её на время, потому что внутри родилось стойкое желание прочесть её. Парень поколебавшись, отдал книгу, я же в свою очередь пообещал вернуть её, как только прочту.

Позже, в карете, я разглядывал переплет из мягкой коричневой кожи. Тонкая книжечка оказалась приятной и мягкой на ощупь. Я сам до конца не понимал, чем меня могла заинтересовать книга о ядах.

— Эх, жалко что так быстро уехали, я бы еще повеселился, — сказал двоюродный братец.

Но буквально через минуту он уже спал на моем плече.

Глава 5. Тайные намерения.

Я всё ещё не до конца привык к тому, что дом теперь принадлежит мне, и дело заключалось не столько в самом титуле или праве владения, сколько в ощущении — странном, почти чужом, будто я оказался внутри жизни, к которой меня никто не готовил. Да, просто я привык к тому, что всем управлял отец. И, пожалуй, именно поэтому в тот день меня так задело одно, на первый взгляд, совершенно бытовое наблюдение. Мы с Бромом шли по длинному коридору западного крыла, где высокие окна пропускали холодный дневной свет, ложившийся на каменный пол бледными прямоугольниками, а тяжёлые портьеры почти не колыхались, будто и воздух в этом доме двигался с осторожностью, когда я вдруг остановился и, нахмурившись, огляделся.

— Бром, — произнёс я медленно, скрестив руки за спиной, — скажите мне честно вам не кажется, что в этом доме слишком тихо?

Он повернул ко мне голову, и в его взгляде мелькнуло непонимание, словно этот вопрос застал его врасплох.

— В каком смысле, милорд?

— В самом прямом, — ответил я, слегка развёл руками, позволяя взгляду скользнуть по пустому коридору. — Я почти не вижу слуг: ни в коридорах, ни в залах, ни даже в столовой, где, казалось бы, они должны появляться чаще всего. Дом огромный, людей в нём должно быть немало, а создаётся впечатление, будто я здесь один, и всё это пространство существует само по себе. Хотя по приезду меня встретило куча народу, а сейчас все куда-то запропастились.

Бром едва заметно кивнул, после чего ответил спокойно, почти буднично:

— Это сделано намеренно, милорд, и, если позволите, я объясню.

Я чуть повернулся к нему, ожидая продолжения.

— Я распорядился, чтобы слуги по возможности не появлялись у вас на глазах без крайней необходимости, — произнёс он. — Более того, я велел им передвигаться по дому, используя скрытые коридоры и переходы, расположенные внутри стен поместья.

Я встал как вкопанный и посмотрел на своего помощника с неподдельным удивлением.

— Подождите вы хотите сказать, что в стенах есть проходы, по которым можно перемещаться, оставаясь незамеченным?

— Именно так, милорд, — подтвердил Бром. — Это одна из особенностей архитектуры поместья, заложенная ещё вашим дедом при укладке дома.

Несколько секунд я молчал, а затем невольно провёл ладонью по холодной поверхности обоев, словно надеялся нащупать за ними скрытое пространство.

— То есть всё это время рядом могли находиться люди, а я их просто не видел?

— Да, милорд. И, смею надеяться, это делало ваше пребывание в доме более спокойным.

Я тихо усмехнулся, но в голосе прозвучало искреннее восхищение:

— Спокойным — возможно.

Но в то же время это было поразительно. Представить только: целое поместье, спроектированное как единый механизм, где есть не только видимые комнаты и коридоры, но и скрытая, вторая сеть, существующая параллельно. Я сделал несколько шагов вдоль стены, всё ещё пытаюсь вообразить, как именно это устроено.

— Это же надо было так продумать — произнёс я вполголоса. — Двойное дно, скрытые линии и переходы, словно один чертёж, наложенный на другой.

— Ваш дед обладал весьма необычным складом ума. Дерек Редсноу был гением своего времени. — заметил Бром.

И в этот момент меня накрыла неожиданная, почти болезненная мысль. Я ведь тоже когда-то сидел над чертежами. Проводил линии и продумывал чертежи, проектировал особняки. И получал от этого странное, тихое удовольствие.

— Я совсем это забросил... — сказал я уже почти шёпотом.

— Милорд? — переспросил Бром.

— Ничего. — ответил я, качнув головой. — Просто личные воспоминания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.